

будущего, мира Тагоры или Леса? Здесь хотя бы жертвы приносятся минимальные. И этот вариант реально осуществим.

¹ См.: Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 528.

² Стругацкие А. и Б. Извнс. Путь на Амальтею. Стажеры: Рассказы. М., 1991. С. 290.

³ Там же. С. 298.

⁴ Стругацкие А. и Б. Далская радуга. Трудно быть богом. М., 1964. С. 321.

⁵ Они же. Обитасмый остров. Жук в муравейнике. Волны гасят ветер. Томск, 1992. С. 323.

⁶ Там же. С. 537.

⁷ Стругацкие А. и Б. Извнс. Путь на Амальтею. Стажеры. С. 152.

⁸ Там же. С. 165.

⁹ Стругацкие А. и Б. Хромая судьба. М., 1993. С. 165.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Стругацкие А. и Б. Волны гасят ветер.

¹³ Там же. С. 228.

¹⁴ Стругацкие А. и Б. Пикник на обочине.

Р. Я. Шляпугина

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФИЛОСОФСКИХ ДИСКУССИЙ 20–30-х ГОДОВ

История отечественной философии советского периода еще не написана, хотя существуют значительные ее фрагменты¹, из которых видно, что в ней имелось несколько драматических моментов, определивших последующее ее развитие. Одним из таких моментов, бесспорно, являются философские или имевшие философскую доказательную базу дискуссии 20–30-х годов. Свою статью мы посвящаем политической составляющей этих дискуссий.

Самой значительной философской дискуссией указанного периода является дискуссия между «механистами» и «диалектиками». Источниковую базу дискуссии, длившейся без малого десять лет, составляют сотни статей и тысячи выступлений на диспутах в различных научных и учебных заведениях страны и вряд ли возможна их полная, научно прокомментированная публикация. Но основная фактография уже введена в научный оборот после открытия спецхранов библиотек и архивов.

Побудительным мотивом для начала этой дискуссии послужила публикация известным большевистским лидером И. И. Скворцовым-Степановым предисловия и послесловия ко 2-му изданию переведенной им книги голландского демократа Германа Гортера «Исторический материализм»². Ряд положений этого пос-

лелювия, названного им «Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм», в которых ставился ряд принципиальных для марксистской философии вопросов, касающихся соотношения механистического и диалектического материализма, и вызывал дискуссию. В частности, И. И. Скворцов-Степанов заявлял, что нельзя отвергать механистическую точку зрения в анализе физико-химических процессов: «Марксист должен прямо и открыто сказать, что он принимает это так называемое механистическое воззрение на природу, механистическое понимание ее. Недостойно марксиста приходить в трепет перед попами в угоду или давать грубые формулировки этого понимания и затем отмежевываться вообще от механистической точки зрения на процессы природы»³.

Оппонентом Скворцова-Степанова выступил философ-марксист Ян Стэн. В статье «Об ошибках Гортнера и тов. Степанова»⁴ он обвинил Скворцова-Степанова в принижении роли диалектического материализма в развитии естественных наук и в движении «вспять от диалектического материализма к материализму механистическому»⁵.

Вокруг этих заявлений и развернулась дискуссия, разделившая философов и естествоиспытателей на два больших лагеря. К «механистам» относились А. К. Тимирязев, А. И. Варьяш, В. Н. Сарабьянов, И. И. Скворцов-Степанов, Л. И. Аксельрод-Ортодокс и др. Организационным центром стал институт им. Тимирязева, а печатным изданием – периодический сборник «Диалектика в природе» (всего вышло 5 сборников). К «диалектикам» относились А. М. Деборин, Я. Э. Стэн, Н. А. Карев, Гр. Баммель и др. Их печатным органом были журналы «Под знаменем марксизма» и «Большевик».

В дискуссии можно отметить несколько ключевых моментов:

1. Перевод и первая публикация «Диалектики природы» Ф. Энгельса⁶, которая дала дополнительные аргументы для дискутирующих сторон. Особо отметим одно место, вызывавшее разное понимание. В современном издании «Диалектики природы» оно звучит следующим образом: «Какую бы позу ни принимали естествоиспытатели, над ними властвует философия»⁷. В первом издании перевод был иной: «Как бы ни упирались естествоиспытатели, но ими управляют философы». Именно эта фраза Энгельса на несколько лет стала аргументом деборинцев против утверждений «механистов», что философия не нужна естествоиспытателям; науки – сами себе философия.

2. Дискуссия в Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, в которой ежедневно в марте–мае 1926 года обсуждались в основном историко-философские проблемы, в том числе отношение к Гегелю и Спинозе. Здесь были задействованы «главные» силы: «механистов» – Л. Аксельрод, А. Варьяш, А. Тимирязев, А. Богданов и др.; «диалектиков» – Я. Стэн, И. Луппол, Н. Карев, А. Вайнштейн и др. Именно в этой дискуссии впервые произнесены политические обвинения. Дело в том, что выступления известных докладчиков, особенно со стороны «механистов», не публиковались (лишь некоторых из них – А. Тимирязева, Л. Аксельрод – были опубликованы через 1–1,5 года), зато была опубликована итоговая речь А. Деборина «Наши разногласия»⁸. Главная ее мысль звучит так: «определенно, с полным сознанием ответственности за то, что говорю, что группировка, возглавляемая гг. Аксельрод и Тими-

рязовым, носит определенно ревизионистский характер»⁹. Обвинения в ревизионизме по отношению к марксистской философии после этой публикации стали повторяться все чаще, а вновь созданное Общество воинствующих материалистов (ОВМ) борьбу с ревизионизмом считало своей насущной задачей. В резолюции общего собрания общества, состоявшегося 7 января 1927 года, в частности, было записано: «ОВМ считает своей задачей основное внимание на ближайший период времени обратить на борьбу за материалистическую диалектику против отвергающего ее ревизионизма. Для осуществления этой цели Общество считает необходимым, согласно завету Ленина, рассматривать себя как “общество материалистических друзей гегелевской диалектики”»¹⁰. Речь Деборина и материалы Общества воинствующих материалистов публиковались, как видим, в официальном органе партии – журнале «Под знаменем марксизма».

3. Диспут «Коренные вопросы диалектического материализма» в московском театре им. Мейерхольда 19 декабря 1927 года. И здесь выступали основные силы спорящих сторон: Л. Аксельрод, А. Тимирязев, В. Сарабьянов («механисты»), Н. Карев, Г. Дмитриев и др. (деборинцы). И в этот раз доклады «механистов» не были опубликованы, а теоретические споры свелись к взаимным обвинениям. В целом этот диспут показал определенное равновесие, интеллектуальное равенство в доказательствах и правоте спорящих сторон. С переменным успехом дискуссия продолжалась еще полтора года, преимущественно среди естествоиспытателей и на периферии.

4. Кульминация и окончание дискуссии. Понимая, что теоретическое равновесие не является их победой, деборинцы в конце 1928 года (после выхода из Общества воинствующих материалистов большинства теоретиков-механистов) обновляют это общество, переименовав его в Общество воинствующих материалистов-диалектиков. В его руководящий состав вошли члены-учредители А. М. Деборин, Н. А. Карев, Невский, Я. Э. Стэн, Митин и др.

Укрепив таким образом свои ряды, деборинцы создали в апреле 1929 года в Коммунистической академии Вторую Всесоюзную конференцию марксистско-ленинских научных учреждений, пригласив на нее ученых всех регионов страны. Основной доклад на конференции – «Современные проблемы философии марксизма» – сделал А. М. Деборин. И в докладе и в материалах конференции, которые были опубликованы, заявлялось, что механисты по отношению к марксистско-ленинской философии являются ревизионистами, наносящими вред ее развитию¹¹. Эти же выводы прозвучали и на Первом Всесоюзном совещании воинствующих материалистов-диалектиков.

ЦК партии судил за итогами дискуссии, о чем говорит принятое в середине 1929 г. Постановление ЦК ВКП(б). «О мероприятиях по укреплению научной работы в связи с итогами 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений»¹². В нем отмечались как положительные, так и негативные моменты в научной работе советских философов. В частности, ЦК партии констатировал: «темпы развертывания работы марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений отстают от предъявляемых к ним современными условиями требований и запросов»¹³.

Философская дискуссия между «диалектиками» и «механистами» на этом бы и закончилась и дальше обвинения в философском ревизио-

низме отдельных положений марксистско-ленинской философии дело не пошло, если бы не политическая борьба внутри партии и ее Центрального комитета, в ходе которой Сталин, используя свои недюжинные способности в ведении политических интриг, освободился от идеологических противников. С политической арены один за другим ушли Л. Д. Троцкий, высланный из страны в 1927 году, Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев как руководители левой оппозиции. В 1929 году дошла очередь до «правых» во главе, как тогда считалось, с Н. И. Бухариным.

До 1929 года философия не входила в круг важных идеологических интересов Сталина. Его больше интересовали внутривнутрипартийные противостояния. Вскоре положение изменилось, дошла очередь и до философии. Поворотным моментом можно считать 27 декабря 1929 года – день выступления Сталина на конференции аграрников-марксистов с докладом «К вопросам аграрной политики в СССР». Главный тезис этого доклада об отставании теории от практики и призыв к «повороту в политике партии», в данном случае – к повороту марксистов-аграрников к практике колхозного строительства – был немедленно принят на вооружение на «фронтах» философии, науки и техники.

В философии начался новый этап осмысления и оценок только что закончившейся дискуссии между «механистами» и «диалектиками». Ее итоги начали осмысливаться с политических позиций. Победу деборинцев можно считать относительной, поскольку в теоретическом плане аргументы спорящих сторон не уступали друг другу. И если бы деборинцы не использовали мощь официальных институтов партии – Коммунистической академии, Института В. И. Ленина, Института К. Маркса и Ф. Энгельса, – их победа была бы проблематичной.

Свою победу деборинцы праздновали недолго. Менее чем через год они превратились из победителей в обвиняемых: попали под огонь критики с той стороны, с которой ее вряд ли можно было ожидать и которая по большому счету к философии отношения не имела. После выступления Сталина партия в лице своих организаций и печатных органов стала участником всех идеологических процессов, в том числе дискуссий, всевозможных конференций и съездов. К примеру, первые выступления против деборинцев осуществили член ЦК партии, председатель Союза воинствующих безбожников Ем. Ярославский и теоретический орган ЦК – журнал «Большевик».

Именно в это время в кругу спорящих философов появилась третья сила, отличная от теоретически сильных «механистов» и «диалектиков». Это были вчерашние студенты Института красной профессуры, ставшие сотрудниками Института философии. С первых же своих заявлений они взяли на себя обязанности политкомиссаров – проводников линии партии в области философии.

И если первое их выступление «О задачах борьбы на два фронта»¹⁴ было посвящено критике как «механистов» (их они посчитали теоретической основой «правого» уклона в партии), так и деборинцев (которых обвиняли в отставании от практики решения актуальных задач социалистического строительства), то в знаменитой «статье трех» (членов партбюро философского отделения ИКП М. Митина, В. Гальцевича и П. Юдина) «О новых задачах марксистско-ленинской философии»¹⁵ они заявили, что руководствуются указаниями «тов. Сталина, который наиболее четко тео-

ретически сформулировал борьбу на два фронта, дает образец углубленного понимания марксистско-ленинской философии»¹⁶, и развернули критику деборинцев в неприятии ленинского этапа в развитии марксистской философии, непонимании ленинского принципа партийности и все в том же отрыве их философских работ от практики социалистического строительства. А вывод соответствовал новому пониманию партией задач философии: «Вся суть поворота на философском фронте на данном этапе состоит в решительной “политизации”, активизации философских проблем»¹⁷.

«Статья трех» носила декларативный, абстрактный характер, не имеющий глубокого философского содержания. В противовес ей в журнале «Под знаменем марксизма»¹⁸ была помещена «статья десяти» (А. Деборин, И. Луппол, Я. Стэн, Н. Карев, И. Подволоцкий, Б. Гессен, М. Левин, И. Агол, С. Левит, Ф. Тележников), в которой авторы разъясняли, что философия не имеет прямого отношения к сиюминутным политическим лозунгам, что «совершенно неправильно противопоставлять разработку теории материалистической диалектики изучению важнейших проблем социалистического строительства»¹⁹, и далее авторы обстоятельно выясняют, какие задачи, связанные с развитием естественных общественных наук, должна решать марксистская диалектическая философия.

«Тройка» приняла вызов, и летом 1930 года несколько раз в «Правде» и журнале «Большевик» выступала с критикой «недостатков» деборинцев, всякий раз усиливая политические оценки их философских позиций. В итоге они свелись в статье П. Юдина в «Правде» к утверждению: «Деборин показал, что философское руководство не понимает ни существа, ни необходимости поворота»²⁰.

Окончательный удар деборинцам и Обществу воинствующих материалистов-диалектиков молодые философы-партийцы нанесли на заседаниях Президиума Комакадемии 17–20 октября 1930 года. А. М. Деборин в своем докладе и нескольких выступлениях пытался объяснить философские позиции «диалектиков», но в конечном итоге признал свои ошибки и проголосовал за резолюцию, которая ставила под сомнение его дальнейшую судьбу как философа. В резолюции говорилось: «Руководящая группа правления ОВМД не только не возглавила самокритику на философском фронте, но, наоборот, упорно сопротивлялась развертыванию самокритики, не сумела поставить на правлении ОВМД и перед местными организациями всей суммы вопросов, поднятых во время дискуссии, всячески затушевывая и замазывая остроту политических и теоретических проблем. ОВМД не может допустить пребывания в его рядах людей, причастных к двурушнической, предательской борьбе “право-левого” блока против генеральной линии партии и ее ЦК»²¹.

9 января 1930 года «героев» закончившейся дискуссии – бюро партячейки ИКП – принял Сталин, который оценил позицию деборинцев как «меньшевистствующий идеализм». Недавно была обнародована стенографическая запись этой беседы, сделанная М. Митиным. В разговоре Сталин высказал несколько ключевых положений, которые были восприняты как указание к действию и вскоре претворены в жизнь: «Надо разворошить, перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании. Надо все разворошить, что написано деборинской группой, разбить все ошибочное. Стэна, Карева – вышибить можно; все разворошить надо. Для боя нужны все роды оружия... Деборин и его ученики в области гносеологии – плеханов-

цы. Меньшевицки мыслящие люди. Их критика – дело тонкое. Тут ошибиться нельзя. Они меньшевистствующие идеалисты... главная опасность – механисты. Они имеют более серьезные корни в жизни. Однако нужно проявить особую бдительность к формалистам-деборинцам. С точки зрения тактики нашей теоретической борьбы надо обратить особое внимание на меньшевистствующий идеализм... Разворошить надо также Бухарина. Его надо крепко критиковать, ибо по истмату он очень здорово и основательно напутал. Критика по этим вопросам Бухарина, которая была в печати, неверна. Тут и “ПЗМ” наворотил всяких ошибок и глупостей. Все это надо основательно разворошить... Ваша главная задача теперь – развернуть во всю критику. Бить – главная задача. Бить по всем направлениям и там, где не были»²².

Эти установки Сталина 25 января 1931 года «узаконил ЦК ВКП(б) в своем постановлении «О журнале “Под знаменем марксизма”»²³. «Ошибки» деборинцев оно определило так: «возглавлявшая журнал “Под знаменем марксизма” группа воскрешала одну из вреднейших традиций и догм II Интернационала – разрыв между теорией и практикой, скатываясь в ряде вопросов на позиции меньшевистствующего идеализма»²⁴. Своим постановлением ЦК ВКП(б) «придало юридическую силу всему тому, что было сделано за год дискуссии, в кратких формулах выразив позицию своих же представителей – Митина, Юдина и других. Названию “меньшевистствующий идеализм” придана законная сила. Формально это решение ЦК на высочайшем уровне подвело итоги дискуссии. На самом же деле “выкорчевывание” меньшевистствующего идеализма лишь началось. Много лет “меньшевистствующих идеалистов”, а также механистов будут клеймить со всех университетских кафедр, предавать анафеме со страниц газет и журналов. Период свободной дискуссии кончился»²⁵. Началась длившаяся более полувека эра политизации философии.

У дискуссии 20–30-х годов имелся еще один печальный итог: узурпировав право на монополию истины в философии, подкрепленную мощью политического единовластия, Сталин и его окружение любые проявления самостоятельного мышления в философии, науке и культуре оценивали с позиций пресловутого «усиления классовых противоречий». В результате уже марксистским философам начали навешивать ярлык «враг народа», подвергая их репрессиям вплоть до физического уничтожения. Под эту оценку попали все (за исключением А. М. Деборина) «диалектики», трагически закончившие свою жизнь в ГУЛАГе.

Такова политическая составляющая и трагический итог философских дискуссий 20–30-х годов.

¹ Любутин К. Н., Русаков В. М. Отечественная философия советского периода: (Очерки). Екатеринбург, 2001–2002. Ч. 1–2; Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. М., 1999. Кн. 1–2.

² См.: Гортен Г. Исторический материализм / Предисл. и послесл. И. И. Степанова-Скворцова. М., 1924.

³ Там же. С. 166.

⁴ Большевик. 1924. № 11.

⁵ Там же. С. 85.

⁶ См.: Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1925.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 525.

⁸ См.: Летопись марксизма. 1926. № 2.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ Под знаменем марксизма. 1926. № 12. С. 236.

¹¹ Современные проблемы философии марксизма. М., 1929.

¹² Вест. Ком. академии. 1929. № 33 (3). С. 282.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Антирелигиозник. 1930. № 6.

¹⁵ Правда. 1930. 7 июня.

¹⁶ За поворот на философском фронте: Сб. ст. М.; Л., 1931. Вып. 1. С. 17.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Под знаменем марксизма. 1930. № 5.

¹⁹ Деборин А. и др. О борьбе на два фронта // Под знаменем марксизма. 1930. № 5. С. 143.

²⁰ Юдин П. Некоторые итоги философской дискуссии // Правда. 1930. 18 окт.

²¹ Цит. по: Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30-е годы) // Вопр. философии. 1991. № 10. С. 88.

²² Квасов Г. Г. Документальный источник об оценке И. В. Сталиным группы академика А. М. Деборина // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. М., 1992. Вып. 10. С. 193–195.

²³ Правда. 1931. 26 янв.

²⁴ Там же.

²⁵ Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30-е годы). С. 89.

В. Д. Шмелев

ФИЛОСОФСКО-ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

Духовное наследие выдающегося русского мыслителя Л. Н. Толстого чрезвычайно многомерно и многообразно. Лев Николаевич является создателем не только гениальных художественных и публицистических произведений. Его перу принадлежит значительное число крупных работ, в которых рассматриваются философские и религиозные проблемы. Этот пласт творений русского писателя до сих пор сохраняет актуальность и злободневность. Дело в том, что вопросы преобразования религиозных культов, прежде всего православия, вставшие перед русской интеллигенцией в пореформенную эпоху, так и не нашли достойного разрешения, а в силу исторических обстоятельств оказались отодвинутыми в сторону от реального потока общественных изменений. Фактически они ушли в тень. Философско-теологическая доктрина Л. Н. Толстого, которая представляла собой один из вариантов преобразования существующих религиозных воззрений, хотя и не была полностью отброшена, но приобрела новый, идеологизированный характер. По сути дела, она превратилась в теорию, абсолютно ненужную для социальной практики. Правда, ее отдельные компоненты, которые имели антирелигиозную направленность, использовались властью в идеологической работе, однако,